

Рабство в Массачусетсе

1854, источник: [здесь](#)

Речь, произнесенная Торо по случаю национального праздника США 4 июля 1854 г. в аболиционистском обществе Фрамингема (Массачусетс). Впервые опубликована в журнале Либерейтор 21 июля 1854 г.

Недавно я присутствовал на собрании граждан Конкорда, намереваясь, как и многие другие, выступить там на тему рабства в Массачусетсе; но, к своему удивлению и разочарованию, обнаружил, что моих сограждан тревожит не Массачусетс, а Небраска[1] и что заготовленное мною выступление будет совсем не к месту. Я-то думал, что пожар у нас дома, а не в прерии; но хотя несколько граждан Массачусетса сидят в настоящее время в тюрьме за попытку вырвать раба из когтей штата, ни один из выступавших на собрании не выразил по этому поводу сожаления и даже не упомянул об этом. Они явно интересовались только тем, как распорядиться пустошами, лежащими за тысячу миль от нас. Жители Конкорда не расположены защищать собственные мосты; речь у них идет о том, чтобы занять позиции на возвышенностях за рекой Иеллоустон. Туда отступают наши Баттрики, Дэвисы и Хосмеры[2], и боюсь, что между ними и неприятелем не произойдет второго Лексингтона. В Небраске нет ни одного раба; а в Массачусетсе их наверняка миллион.

Те, кто воспитан в школе политики, сейчас, как и всегда, не умеют смотреть в лицо действительности. Их меры — всего лишь полумеры и паллиативы. Они бесконечно оттягивают день расчета, а долг между тем растет. Хотя на сей раз Закон о беглых рабах не был предметом обсуждения, мои сограждане, как я узнал, робко постановили на одном отложенном собрании, что, поскольку компромиссное решение 1820 года[3] было отвергнуто одной из партий... «Закон о беглых рабах должен быть отменен». Но это не причина для отмены несправедливого закона. Политический деятель стоит лишь перед фактом, что среди воров меньше чести, чем предполагалось, но не перед тем, что они — воры.

Так как я не имел возможности высказаться на этом собрании, разрешите мне сделать это сейчас.

Снова здание бостонского суда полно вооруженных людей, которые арестовали и судят ЧЕЛОВЕКА, чтобы выяснить, не РАБ ли он. Неужели кто-нибудь полагает, что правосудие и бог ждут решения м-ра Лоринга[4]? Он просто ставит себя в смешное положение, все еще решая этот вопрос, когда тот уже решен в вечности, и решение утверждено и самим неграмотным рабом и окружающей толпой. Нам хочется спросить, кто назначил его на должность и кто таков он сам; каким новым статутам он следует и какие прецеденты признает. Само существование подобного судьи просто неуместно. Мы уже не предлагаем ему собраться с мыслями, а предлагаем поскорее собрать пожитки.

Я хочу услышать голос губернатора[5], командующего всеми войсками Массачусетса. А слышу только стрекот сверчков и жужжание насекомых в летнем воздухе. Дело губернатора — производить смотр войскам в дни сборов. Я видел его на коне, с обнаженной головой, слушающего молитву капеллана. Это единственный раз, когда мне довелось видеть губернатора. Мне кажется, я мог бы обойтись и без него. Если уж он не может охранять меня от опасности быть схваченным, на что он вообще может мне понадобиться? Когда свободе грозит наибольшая опасность, его совсем не видно. Один известный священник говорил мне, что избрал духовную карьеру потому, что она оставляет больше всего досуга для литературных занятий. Я посоветовал бы ему должность губернатора.

Три года назад, когда разыгралась трагедия Симса[6], я говорил себе: есть ведь такая должность, как губернатор Массачусетса, если уж нет такого человека, — что же он делал в последние две недели? Трудно ему было, должно быть, сохранять нейтралитет во время этого морального землетрясения. Мне казалось, что нельзя было сочинить на него более злой сатиры, нанести ему большого оскорбления, чем то, что произошло, — а именно что никто не вспомнил о нем в тот критический час. Самое худшее и самое большее, что я о нем знаю, это то, что он не воспользовался этим случаем, чтобы как-то себя проявить, и проявить достойно. Он мог бы снискать популярность, хотя бы подав в отставку. Казалось, все забыли, что существует такой человек или такая должность. Однако все это время он занимал губернаторское кресло. Это не мой губернатор. Такого мне не надо.

Но в данном случае о губернаторе наконец услышали. После того как ему и правительству Соединенных Штатов удалось отнять у бедного, ни в чем не повинного негра пожизненно свободу, а также, насколько они сумели, лишить его веры в его создателя, он выступил перед своими сообщниками на праздничном ужине!

Я прочел новый закон штата, объявляющий наказуемой попытку «любого чиновника правительства» задержать или способствовать задержанию на территории штата «любого человека, разыскиваемого как беглый раб». Но известно также, что постановление об освобождении незаконно задержанного беглеца, содержавшегося под арестом, не могло быть вручено, потому что в помощь вручавшему не были посланы воинские части.

Я полагал, что губернатор в какой-то степени является исполнительной властью штата; что долг губернатора — следить за соблюдением законов штата, а долг человека — стараться не нарушать при этом законов человечности; но, как только он бывает особенно нужен, он оказывается бесполезен, и даже хуже того, и допускает нарушение законов штата. Быть может, я не знаю, каковы обязанности губернатора, но если для того, чтобы быть губернатором, надо так безнадежно позориться и терять человеческое достоинство, я постараюсь никогда не быть губернатором Массачусетса. Я не слишком начитан в законах нашего государства. От этого чтения нет никакого проку. Там не всегда говорится правда и не всегда подразумевается то, что говорится. Для меня важно одно: влияние и власть этого человека были на стороне рабовладельца, а не раба — на стороне виновного, а не невинного — несправедливости, а не правды. Я ни разу не видел того, о ком говорю; до этих событий я даже не знал, что он губернатор. Я услышал о нем тогда же, когда и об Энтони Бернсе, и так, наверно, было с большинством. Вот как мало я знал о том, кто мною правит. Конечно, то, что я о нем не слышал, еще нельзя поставить ему в упрек; плохо, что я услышал именно

это. Худшее, что я скажу о нем, это — что он оказался не лучше, чем оказалось бы большинство его избирателей. По-моему, он не был на высоте положения.

Военные силы нашего штата целиком к услугам некоего м-ра Сатла, виргинского рабовладельца, дабы он мог изловить человека, которого называет своей собственностью; а вот для охраны жителя Массачусетса от похищения не найдется ни одного солдата! Неужели же для этого держат и обучают всех этих солдат в течение семидесяти девяти лет? Чтобы грабить Мексику[7] и возвращать хозяевам беглых рабов?

В последние вечера я слышал на наших улицах бой барабанов. Солдат продолжали обучать, а для чего? Я еще мог бы простить конкордским петухам, что продолжают кукарекать; ведь их в то утро не били; но не мог простить этих «рам-там-там» «обучающих». Раба поймали именно они, то есть солдаты, и лучшее, что можно о них сказать, — что это дураки, приметные по ярким мундирам.

Три года назад, как раз неделю спустя после того, как бостонские власти собрались, чтобы препроводить обратно в рабство ни в чем не повинного человека, зная, что он ни в чем не повинен, жители Конкорда звонили в колокола и стреляли из пушек в честь своего освобождения, а также мужества и свободолюбия своих предков, сражавшихся на мосту[8]. Можно подумать, что те три миллиона человек бились за то, чтобы освободиться самим, но держать в рабстве другие три миллиона. В наше время люди носят дурацкий колпак и называют его фригийским колпаком свободы. Подозреваю, что иные, будучи привязаны к столбу для публичной порки и ухитрившись высвободить одну руку, станут этой рукою звонить в колокола и стрелять из пушек в ознаменование освобождения. Итак, некоторые мои сограждане взяли такую волю, что осмелились даже звонить и стрелять! Но только на это их и хватило: когда колокольный звон растаял в воздухе, растаяла и их свобода; когда пороховой дым рассеялся, их свобода улетучилась вместе с ним.

Это так же смешно, как если бы арестанты собрали деньги на порох для салютов, наняли тюремщиков, чтобы те за них стреляли и звонили, а сами любовались зрелищем из-за решеток...

Вот что я думал о моих ближних.

Каждый гуманный и разумный житель Конкорда, слыша эти колокола и эти пушки, вместо того чтобы с гордостью думать о событиях 19 апреля 1775 года, со стыдом вспоминал события 12 апреля 1851 года. Но сейчас мы наполовину погребли этот старый позор под новым.

Массачусетс ждал решения м-ра Лоринга, точно оно могло сколько-нибудь облегчить его вину. Самая явная и тяжкая вина Массачусетса состоит в том, что этому человеку разрешили быть арбитром в таком деле. Фактически то был суд над Массачусетсом. Когда он не решался освободить подсудимого и сейчас, когда он колеблется искупить свою вину, он тем самым осуждает себя. Его судит бог; не местный судья, а высший.

Я хочу сказать своим согражданам, что, каковы бы ни были законы, ни отдельный человек, ни нация не могут совершить даже малейшей несправедливости в отношении даже самого

неприметного из людей и избежать расплаты. Правительство, сознательно творящее несправедливость и упорствующее в этом, станет в конце концов посмешищем для всего мира.

О рабстве в Америке говорилось много, но я думаю, что мы даже не поняли еще, что такое рабство. Если б я всерьез предложил конгрессу перемолоть человечество на колбасы, не сомневаюсь, что большинство его членов улыбнулись бы на это, а если бы кто-либо отнесся к моему предложению серьезно, то счел бы, что я предлагаю нечто гораздо худшее, чем конгресс когда-нибудь осуществлял. Но если кто-то из них скажет мне, что превратить человека в колбасу хуже — и даже гораздо хуже, — чем сделать его рабом, чем ввести Закон о беглых рабах, я назову его глупцом, умственно неполноценным человеком, который видит различия там, где их нет. Первое предложение столь же разумно, как и второе.

Много говорят о том, что этот закон попирается. Делать это вовсе не трудно. Такой закон не подымается до уровня головы или разума; ему место только в грязи. Он родился и вырос в прахе и грязи, и каждый свободно идущий человек, который не обходит, подобно милосердным индусам, даже ядовитых гадов, непременно на него наступит и будет таким образом попирать его ногами, а с ним вместе и его автора Вебстера[9]- навозного жука вместе с его навозным катышем.

Недавние события поучительны как пример соблюдения у нас справедливости, вернее, они отлично показали, где надо искать подлинную справедливость в любом обществе.

Дело дошло до того, что друзья свободы/друзья раба содрогнулись при мысли, что его судьба находится в руках законных судов нашей страны. Свободные люди не верят, что с ним поступят по справедливости; судья решит так или иначе, в лучшем случае это будет случайностью. Ясно, что в столь важном деле он не компетентен. Следовательно, тут нельзя опираться на прецеденты, надо установить прецедент на будущее. Я гораздо охотнее положился бы на народ. Его голосование по крайней мере представило бы какую-то ценность, пускай небольшую; а тут мы имеем всего лишь скованное предрассудками суждение одного человека, в любом случае ничего не значащее.

Для суда очень плохо, когда народ вынужден его проверять. Мне не хочется верить, что суды пригодны лишь для хорошей погоды и для самых мелких дел — но как предоставить какому бы то ни было суду решать вопрос о свободе более трех миллионов людей, в нашем случае — шестой части нации! А он был предоставлен так называемым судам справедливости — Верховному суду страны, — и, как всем известно, этот суд постановил, исходя из одной лишь конституции, чтобы эти три миллиона оставались рабами. Такие судьи — просто смотрители орудий взломщика и убийцы, которые проверяют, можно ли ими работать, и на этом полагают свою миссию законченной. В списке дел, подлежащих слушанию, значилось дело более важное, которое они, как судьи, назначенные богом, не имели права пропускать; и если бы они его решили по справедливости, то избегли бы дальнейшего унижения. Это — дело самого убийцы.

Закон не может делать людей свободными: сами люди должны делать закон свободным. Они — блюстители закона и порядка, соблюдающие его, когда его нарушает правительство.

Не тот судья над судьбою человека, кто всего лишь провозглашает решение закона, но тот, кем бы он ни был, кто из любви к справедливости, без предрассудков, внушенных людскими обычаями и установлениями, произносит над ним истинный приговор. Именно он его приговаривает. Кто умеет различать правду, тот и возводится в звание судьи более высокого властью, чем самый верховный суд в мире, различающий одни лишь законы. Он становится судьей над судьями. Странно, что столь простые истины требуют напоминания.

Я все более убеждаюсь, что в любом общественном вопросе важнее знать, что думает страна, чем знать мнение города. Город не всегда склонен думать. По любому нравственному вопросу я скорее обращусь к Боксборо, чем к Бостону и Нью-Йорку вместе взятым. Когда высказывается первый, я чувствую, что нечто действительно сказано, что человечность еще существует и некое разумное создание утверждает ее права, что какие-то беспристрастные жители наших гор задумались наконец над этим вопросом и несколькими разумными словами вернули народу добрую славу. Когда в глухом городке фермеры сходятся на чрезвычайное собрание, это, по-моему, и есть подлинный конгресс, самый почтенный из всех, когда-либо собиравшихся в Соединенных Штатах.

Ясно, что в нашем государстве существуют по крайней мере две партии, которые обозначаются все более ясно, — партия города и партия сельских местностей. Я знаю, что и в селе достаточно подлости, но хочется верить, что есть все же небольшая разница в его пользу. Но у села еще нет органов печати, чтобы выражать свое мнение. Передовые статьи, которые оно читает, как и новости, приходят с побережья. Давайте же и мы, сельские жители, воспитывать в себе чувство собственного достоинства. Давайте посылать в город только за сукном и бакалеей, а если и читать мнения города, то иметь все же свое собственное.

В числе необходимых мер я предложил бы такой же поход против Прессы, какой был успешно проведен против Церкви. Церковь за последние несколько лет стала заметно лучше, а пресса почти без исключения продажна.

Я считаю, что в нашей стране пресса оказывает более сильное и более пагубное влияние, чем оказывала церковь даже в худшие времена. Мы не отличаемся религиозностью, мы — нация политиканов. Мы равнодушны к Библии, но не к газете. На любом политическом собрании — хотя бы на том же недавнем собрании в Конкорде — как неуместно прозвучала бы цитата из Библии! И как принято цитировать газеты или конституцию! Газета — вот Библия, которую мы читаем каждое утро и каждый вечер, стоя и сидя, в поездке и на ходу. Эту Библию каждый носит в кармане, она лежит на каждом столе и прилавке, ее неустанно распространяют почта и тысячи миссионеров. Словом, это единственная книга, которую Америка издала и которую она читает. Так велико ее влияние. Редактор — это проповедник, которого вы добровольно содержите. Он вам обходится в среднем по центу в день, зато не надо платить за церковную скамью. Но часто ли эти проповедники проповедуют истину? Я повторяю мнение многих просвещенных иностранцев и собственное свое убеждение, когда скажу, что ни в одной стране, вероятно, не было столь гнусных тиранов, какими, за немногими светлыми исключениями, являются у нас редакторы периодической печати. Так как их существование и власть зиждутся на раболепии и на обращении к худшим человеческим инстинктам, читающие их люди уподобляются собаке, которую тянет к

собственной блевотине.

«Либерейтор» [10] и «Коммонуелс» были, насколько мне известно, единственными бостонскими изданиями, осудившими подлость городских властей в 1851 году. Другие журналы, почти без исключения, тоном своих статей, касавшихся Закона о беглых рабах и возвращения в рабство Симса, по меньшей мере оскорбляли здравый смысл нации. И они делали так потому, что желали снискать одобрение своих покровителей, не зная, насколько в сердце страны преобладают более верные понятия. Говорят, что некоторые из них сейчас переменялись к лучшему; но все же это флюгеры. Вот какую репутацию они приобрели.

Правда, благодарение судьбе, такие проповедники еще легче достигаемы для оружия реформатора, чем это было со священниками-отступниками. Свободным людям Новой Англии достаточно отказаться покупать их газеты, достаточно придержать свои центы, чтобы сразу убить их целую дюжину. Один уважаемый мною человек говорил мне, что, покупал экземпляры «Гражданина» Митчелла[11] в поезде, а затем выбрасывал их из окна. Но не выразил ли бы он свое презрение еще сильнее, если бы вообще их не покупал?

Кто они — американцы? Жители Новой Англии? Жители Лексингтона, Конкорда и Фремингема? — все те, кто читает и поддерживает бостонские «Пост», «Мейл», «Джернел», «Адвертайзер», «Курьер» и «Таймс»? Это ли флаги нашего Союза? Я не принадлежу к читателям газет и, быть может, не назвал самых худших.

Могло ли рабство породить большее раболепство, чем то, которое обнаруживают некоторые из них? Можно ли больше пресмыкаться в пыли, своей слюной превращая ее в грязь? Я не знаю, существует ли еще бостонский «Геральд», но помню, что видел его на улицах, когда увозили Симса. Не правда ли, он хорошо выполнял свою задачу — преданно служил хозяину? Можно ли было лучше ползать на брюхе? Можно ли было опуститься ниже? Сделать больше, чем поместить конечности на место головы? А свою голову превратить в нижнюю конечность? Когда я, заворотив манжеты, брал эту газету в руки, я в каждом ее столбце слышал шум сточных вод. Мне казалось, будто я держу в руках бумагу, вынутую из помойной ямы, листок из устава игорного притона, трактира и борделя, вполне созвучного Евангелию биржи.

Большинство людей на Севере, как и на Юге, Востоке и Западе, не отличается принципиальностью. Избирая депутатов в конгресс, они не посылают их туда для выполнения долга человечности; пока их братьев и сестер секут и вешают за стремление к свободе, пока — и здесь я мог бы перебрать все, что скрывается под понятием рабства, — их заботит только одно: правильно ли распорядились деревом и железом, камнем и золотом. Делай что хочешь, о Правительство, с моей женой и детьми, матерью и братом, отцом и сестрой — я беспрекословно подчинюсь твоим приказам. Я, разумеется, буду огорчен, если ты сделаешь им больно, если выдашь их надсмотрщикам, которые затравят их собаками или засекут насмерть, но я буду мирно заниматься делом, к которому я призван на этой прекрасной земле, и разве что когда-нибудь надену по ним траур и этим сумею склонить тебя к милосердию. Так поступает и так говорит Массачусетс.

А я, скорее, чем так поступить, готов поджечь любой фитиль и взорвать любой порядок; ради самой жизни моей я хочу быть на стороне света, и пускай уходит из-под ног темная земля — я позову за собой свою мать и своего брата.

Я хотел бы напомнить своим соотечественникам, что надо быть прежде всего людьми, а американцами потом, в удобное для всех время. Не может быть хорош закон, который охраняет вашу собственность или даже обеспечивает вас куском хлеба, если он не обеспечивает гуманности.

К сожалению, я сомневаюсь, найдется ли в Массачусетсе судья, готовый отказаться от должности и честно зарабатывать свой хлеб, если от него потребуют всего лишь вынесения приговора, противного божеским законам. Я вынужден признать, что они ставят себя, а вернее, поставлены от природы, на одну доску с матросом, разряжающим свой мушкет, куда ему прикажут. Они такие же орудия, и в них так же мало человеческого. Они не заслуживают большего уважения за то, что хозяин поработил их ум и совесть, а не тело.

Судьи и адвокаты как таковые и все сторонники целесообразности применяют к этому делу весьма низкое и негодное мерило. Они не спрашивают, справедлив ли Закон о беглых рабах, а только: соответствует ли он тому, что они зовут конституцией. А соответствует ли ей добродетель? Или порок? Что ей соответствует — правда или кривда? В подобных важных нравственных вопросах так же неуместно спрашивать, соответствует ли закон конституции, как спрашивать, приносит ли он прибыль. Они упорно служат не человечеству, а худшим из людей. Вопрос не в том, заключили ли вы или ваш дед семьдесят лет назад договор с дьяволом[12] и требуется ли поэтому сейчас его выполнять; вопрос состоит в том, намерены ли вы — несмотря на прошлое отступничество ваше или ваших предков — наконец-то послужить богу, согласно вечной и единственно справедливой КОНСТИТУЦИИ, которую составил для вас он, а не Джефферсон или Адамс.

Словом, если большинство проголосует за то, чтобы богом был дьявол, меньшинство станет жить и вести себя соответственно, надеясь, что когда-нибудь, перевесом в один голос, председательский, бог будет восстановлен в правах. Таков высший принцип, какой я могу придумать для объяснения поступков моих ближних. Они ведут себя так, словно верят, что можно катиться под гору — немного или сколько угодно — и наверняка достичь места, откуда можно будет покатиться вверх. Это и есть целесообразность, или выбор пути, на котором всего меньше препятствий, то есть пути под гору. Но справедливые перемены недостижимы по принципу «целесообразности». Никому еще не удавалось катиться вверх, в гору. В области нравственной скатиться можно только к отступничеству.

Вот мы и поклоняемся Мамоне — и школа, и государство, и церковь, и Богохульники Седьмого дня[13], - подымая много шума из конца в конец Союза.

Неужели люди так и не поймут, что политика — это не нравственность, что она никогда не обеспечивает моральной правоты, а ищет только выгод, выбирает подходящего кандидата, а им неизменно оказывается дьявол — так чего же избирателям удивляться, когда дьявол не ведет себя как лучезарный херувим? Нужны не политиканы, а честные люди, признающие более высокий закон, чем конституция или решение большинства. Судьба

страны зависит не от того, как вы голосуете на избирательных участках — здесь худший из людей не отстанет от лучшего; и не от того, какой бюллетень вы раз в году опускаете в урну, но от того, какого человека вы ежедневно выпускаете из своей комнаты на улицу.

Массачусетсу надо бы интересоваться не биллем о Небраске и не биллем о беглых рабах, а собственным рабством и раболепством. Пусть наш штат расторгнет союз с рабовладельцем. Он может мяться, и колебаться, и просить дозволения еще раз прочесть конституцию; он не сыщет порядочного закона или прецедента, который бы освящал подобный союз.

Пусть каждый житель штата расторгнет свой союз с ним, если тот медлит исполнить свой долг.

События прошедшего месяца научили меня не доверять молве. Я вижу, что она неспособна к тонким различиям и может только вопить «ура». Она не видит героического поступка, но одни лишь его видимые последствия. Она до хрипоты прославляет нетрудный подвиг Бостонского чаепития[14], но гораздо меньше говорит о более отважном и бескорыстном нападении на бостонский суд просто потому, что оно не удалось!

Покрыв себя позором, штат хладнокровно принялся решать вопрос о жизни и свободе людей, пытавшихся выполнить свой долг по отношению к нему. И это зовется справедливостью! Те, кто проявил себя особенно хорошо, будут, вероятно, посажены за решетку за примерное поведение. Те, кому истина велит сейчас признать себя виновными, — это все население штата, совершенно неповинное. Пока губернатор, мэр и бесчисленные чиновники правительства находятся на свободе, защитники свободы пребывают в тюрьме.

Невиновны только те, кто повинен в неуважении к такому суду. Каждому человеку надлежит стать на сторону справедливости, а суды пусть сами себя аттестуют. В этом деле мое сочувствие всецело на стороне обвиняемого и всецело против обвинителей и судей. Справедливость звучит гармонично, а несправедливость — резко и нестройно. Судья все еще вертит ручку шарманки, но вместо музыки мы слышим одно только скрипенье ручки. Он воображает, что это и есть музыка, и толпа продолжает бросать ему медяки.

Тот Массачусетс, который все это совершает, чьи адвокаты и даже судьи будут, вероятно, вынуждены прибегнуть к каким-нибудь жалким уверткам, чтобы не так явно надругаться над собственным инстинктивным чувством справедливости, — неужели вы не видите, до чего он низок и раболепен? Неужели верите, будто он защищает свободу?

Покажите мне свободный штат и истинно праведный суд, и я стану за них бороться, если понадобится; но если передо мной Массачусетс, я отказываюсь ему повиноваться и уважать его суды.

При хорошем правительстве ценность человеческой жизни повышается, при плохом — падает. Мы можем себе позволить некоторое падение железнодорожных и других акций, ибо это лишь заставит нас жить скромнее и экономнее, но как быть, если обесценивается самая жизнь? Можно ли предъявить меньший спрос на человека и природу, можно ли жить экономнее по части добродетели и всех благородных качеств, чем живем мы? Весь прошедший месяц у меня было чувство, которое, вероятно, испытывает каждый житель

Массачусетса, способный быть патриотом, — смутное чувство огромной утраты. Вначале я не мог понять, что за беда со мной случилась. Но потом понял, что потерял свою страну. Я никогда не уважал правительство, возле которого жил, но я имел глупость думать, что все же сумею здесь прожить, занимаясь своими делами и не вспоминая о нем. Но должен сказать, что прежние любимые занятия в огромной степени потеряли для меня свою привлекательность, а мой вклад в здешнюю жизнь сократился на много процентов с той поры, как Массачусетс сознательно отправил обратно в рабство невинного человека, Энтони Бернса. Прежде я, кажется, питал иллюзию, будто моя жизнь протекает где-то между небом и адом, а сейчас я не могу отделаться от мысли, что живу в самом аду. Территория политической организации, именуемой Массачусетс, представляется мне в нравственном отношении заваленной вулканическим шлаком и пеплом, которые Мильтон описал в своей картине ада. Если существует ад более безнравственный, чем наши правители и мы, их подданные, интересно, где он находится? Когда обесценена жизнь, теряет цену также и все, что с нею связано. Представьте себе, что у вас есть небольшая библиотека, стены украшены картинами, за окном сад, и вы намерены предаться научным или литературным занятиям, но внезапно обнаруживается, что ваш дом со всем, что в нем находится, разместился в аду, а у мирового судьи раздвоенное копыто и хвост с развилкой — разве ваше имущество не утратит для вас ценности?

Я чувствую, что штат в некотором роде мешает мне заниматься моим законным делом. Он не только помешал мне проходить по Судебной улице, идя по моим делам, Но создал мне и каждому препятствия на пути вперед и вверх, на котором мы надеялись оставить Судебную улицу далеко позади. Какое он имел право напоминать мне о Судебной улице? Трухлявым оказалось то, что даже я считал прочным.

Я удивляюсь, глядя, как люди идут по своим делам, словно ничего не случилось. Я говорю себе: несчастные! Они ни о чем не слыхали. Я удивляюсь, видя, как встретившийся мне всадник старается догнать убежавших коров, которых он только что купил, — ведь собственность никак не охраняется, и если они не убегут снова, то могут быть у него отняты, когда он их догонит. Глупец! Неужели он не знает, что его посевное зерно упало нынче в цене, что чем ближе к владениям ада, тем хуже все добрые урожаи? При таких обстоятельствах ни один предусмотрительный человек не станет строить склад или заниматься каким-либо мирным трудом, требующим много времени. Нынешние времена не располагают к отдыху. Мы израсходовали весь наследственный запас свободы. Если мы хотим спасти себя, нам надо бороться.

Я иду на берега одного из наших озер, но что значит красота природы, когда люди совершают низости? Мы идем на озеро, чтобы увидеть отражение нашей безмятежности; когда на душе у нас нет покоя, мы туда не идем. Кто может быть безмятежен в стране, где и правительство и управляемые беспринципны? Мои мысли враждебны штату и невольно замышляют против него.

Но недавно мне удалось сорвать белую водяную лилию, и время, которого я ждал, наступило. Эта лилия — символ чистоты. Она расцветает такой прекрасной и чистой, такой благоуханной, словно показывая нам, сколько чистоты и прелести содержится в земной грязи и может быть оттуда извлечено. Мне кажется, что я сорвал первую, какая

распустилась на целую милю вокруг. Как ее аромат подтверждает наши надежды! Благодаря ей я не так скоро отчаюсь в мире, несмотря на подлость и беспринципность северян. Она говорит нам о том, какие законы царили всего дольше и преобладают донине, и о том, что может настать время, когда и человеческие дела будут столь же благоуханны. Вот какой аромат испускает этот цветок. Если Природа еще способна каждый год создавать такое, я верю, что она еще молода и могуча, что она сохранила свою нетронутость и творческую силу, что есть доброе и в человеке, раз он способен чувствовать ее и восхищаться ею. Это напоминает мне, что природа непричастна к миссурийскому компромиссу. В аромате водяной лилии я не чувствую никакого компромисса. Это не *Nymphoea Douglassii*[15]. В ней все чистое, прекрасное и невинное отделено от гнусного. Я не ощущаю в ней беспринципной нерешительности массачусетского губернатора или бостонского мэра. Поступайте так, чтобы запах ваших деяний улучшал общую атмосферу, чтобы вид и запах цветка не напоминал вам о несоответствии ваших дел его красоте; ибо всякий запах — это лишь вид извещения о тех или иных нравственных качествах; и если бы не было благородных поступков, то и лилия не пахла бы так чудесно. Липкий ил символизирует человеческие пороки, грязь и разложение среди людей, а растущий из него душистый цветок — чистоту и мужество, которые бессмертны.

Рабство и раболепие не дают благоуханных цветов на радость людям, ибо в них нет подлинной жизни; это всего лишь гниение и смерть, оскорбляющие всякое здоровое обоняние. Мы не жалуемся, зачем они существуют, но зачем их не хоронят. Пускай живые похоронят их; ведь даже и они годятся на удобрение.

Примечания

1 Небраска — речь идет о принятом 22 мая 1854 г. конгрессом США законопроекте южан, известном под названием «Канзас — Небраска». В основу его легла доктрина рабовладельцев о «суверенитете поселенцев», то есть вопрос о рабстве на любой территории или в штате должен решаться местным населением.

2 Батрики, Дэвисы, Хосмеры — известные в Конкорде семейства.

3 компромиссное решение 1820 года — речь идет о Миссурийском компромиссе. В связи с принятием в число штатов территории Миссури и предоставлением ей прав штата в 1819 г. разгорелся яростный спор, охвативший всю страну и продолжавшийся два года: быть ли Миссури свободным или рабовладельческим штатом. Инициатором Миссурийского компромисса выступил Г. Клей. После того как с просьбой о приеме в число штатов обратился Мэн, чтобы не нарушать равновесия сил в сенате, было решено принять оба штата формально без всяких предварительных ограничений в отношении рабства.

4 м-р Лоринг — 24 мая 1854 г. судья Эдвард Г. Лоринг приказал арестовать негра Энтони Бернса как беглого раба из Виргинии. Суд был назначен на 27 мая, а 26-го состоялся митинг протеста, на котором выступали известные аболиционисты Теодор Паркер и Уенделл Филлипс. Суд вернул Э. Бернса его хозяину в Виргинию.

5 Я хочу услышать голос губернатора... — губернатором Массачусетса в 1854 г. был Джон Генри Клиффорд (1809–1876), которого в том же году сменил Эмори Уошберн (1800–1877). Оба вызывали резкую критику со стороны Торо.

6 Симс, Томас — раб из Джорджии, бежавший в феврале 1851 г. в Бостон. Через несколько месяцев он был пойман, судим и возвращен своему хозяину в г. Саванну.

7 Чтобы грабить Мексику... — имеется в виду война США с Мексикой в 1846–1848 гг.

8 ...предков, сражавшихся на мосту... — имеются в виду события 19 апреля 1775 г. в Конкорде — один из первых эпизодов войны за независимость США.

9 Вебстер Дэниел (1782–1852) — американский государственный деятель, прославившийся как оратор. Закон о беглых рабах был принят в 1850 г. и отменен в 1864 г.

10 «Либереитор» — аболиционистский журнал, основанный в Бостоне в 1831 г. Вильямом Ллойдом Гаррисоном. Выходил по 1865 г.

11 Митчелл, Джон (1815–1875) — участник ирландского национально-освободительного движения, бежавший в США в 1853 г. 7 января 1854 г. начал издавать в Нью-Йорке газету «Гражданин», посвященную борьбе за свободу Ирландии; однако популярность газеты вскоре упала, так как Митчелл выступил против аболиционистов в поддержку системы рабства негров.

12 ...заключили ли вы или ваш дед семьдесят лет назад договор с дьяволом... — Торо имеет в виду принятие конституции США в 1787 г.

13 Богохульники Седьмого дня — имеются в виду адвентисты, сектанты, верующие во «второе пришествие» Христа. Секта «адвентистов седьмого дня», празднующая субботу вместо воскресенья, возникла в США в 40-х гг. XIX века.

14 Бостонское чаепитие — эпизод из истории борьбы за независимость США. После принятия Англией в 1773 г. чайного закона, облагавшего особым налогом ввозимый в Америку чай, 16 декабря 1773 г. группа колонистов-патриотов выбросила за борт груз чая, прибывший в Бостон.

15 Кувшинка Дугласа[16] (латин.).

16 Дуглас, Стивн Арнольд (1813–1861) — американский государственный деятель, сенатор, внесший на рассмотрение конгресса в январе 1854 г. законопроект «Канзас-Небраска». В свободных штатах имя Дугласа вызывало презрение, что и имеет в виду Торо.